

Последнее время вокруг Вероники совершаются какие-то таинственные дела – Яна и её мама, Альбина Эрнестовна, делают вид, будто совсем забыли о ней, а на самом деле, наверное, готовят сюрприз. Они любят неожиданные подарки.

Конечно, Вероника уже не в том возрасте, когда ждут чудес 31 декабря, но кто сказал, что в двадцать восемь лет совсем не хочется чуда? Правда, теперь ожидание смешивается с лёгкой горечью обманутых надежд и поневоле приобретает нежный оттенок светлой грусти, но и в таком виде оно приятно и утешительно.

За окном мороз и солнце. С высоты пятого этажа хорошо виден тихий городской микрорайон, где среди обычных старых панелек торчат элитные многоэтажки. Жаль, нынче зима почти без снега. Даже к празднику город, покрытый грязным льдом, не застелило чистыми сугробами. Тротуары, крыши, карнизы окон заросли отвратительной ледяной коркой. Унылая грязная серость проникает повсюду, грозя превратить светлую грусть в беспросветную тоску.

Вероника отвернулась от окна, скользнула взглядом по своей комнате. Обстановка вполне спартанская: диван, платяной шкаф и старый уголок школьника. На полках, ради праздника увитых бле-

стящей мишурой, косметика, любимые книги. На столе, возле ноутбука, два пластиковых бокса с дисками. Тут же небрежно брошены четыре квадратных конверта: фильм Тарковского «Солярис», альбом Эдуарда Артемьева «Метаморфозы», прелюдии Баха, Бетховена. Их принёс Трофимов. Когда-то они учились в параллельных классах, а теперь он кардиолог скорой помощи и часто заглядывает к больной матери Вероники, видимо, полагая это своей обязанностью. Трофимов не женат и по школьной привычке иногда обменивается с Вероникой мнениями о фильмах и музыке, бывает, даже спорит на темы философии или эзотерики. Но всё же Вероника с Трофимовым только соседи и не пытаются стать ближе, не лезут в жизнь друг друга.

Телефонный звонок грянул бетховенской одой «К радости», утверждая, что день всё-таки чудесный, невзирая на гололёд и бесснежную зиму. «Радость, пламя неземное, – ликовали женские голоса. – Райский дух, слетевший к нам!» И голос Яночки в телефоне тоже звенел от счастья. Наконец-то они с Юрасиком переехали за город в новый дом!

Мороз и солнце! День, безусловно, чудесный!

Яночка – единственная любимая подруга, почти сестра. Они дружат с детского сада, с пяти лет. Веро-

ника сразу влюбилась в черноглазую кокетку-хохотушку с пышными, кудрявыми волосами, когда её впервые привели в группу. С новенькой, похожей на дорогую куклу, хотели играть все дети, и каждый тянул её к себе, но своенравная резвушка Яночка выбрала беленькую тихоню Веронику, и с тех пор девочки не расставались. Вместе ходили в школу, вместе учились в университете.

Яна для Вероники – идеал современной женщины. Родив трёх детей, она не опустила, не обабилась – всё такая же лёгкая, быстрая, смешливая. Она следит за здоровьем, занимается в фитнес-клубе, два раза в неделю плавает в бассейне. Горячо одобряя образ жизни подруги, Вероника и сама с удовольствием купила бы абонемент, только денег на это нет. Зато она бесплатно бегает по утрам на школьном стадионе.

– Ничка, это супер! Сказочный дворец Людвиг Баварского! У Бобика теперь своя комната. Нюся и Юся – отдельно. Вот это новогодний «сюрприз»!

Яна никого и никогда не называет полным именем. У неё для всех находится ласковое прозвище. Друга своей мамы, Альбины Эрнестовны, профессора Жабина, она зовёт Мусей Жабиком. А дети – Оленька, Андрюша и маленький Юра – у неё Бобик, Нюся и Юся. Вероника для неё – Ничка, хотя сама она предпочла бы имя Вера – от уменьшительно-ласкательной формы немного коробит.

Раньше Вероника пыталась копировать яркую брюнетку Яну и в одежде, и в макияже, конечно, исходя из своих довольно скромных средств. Но вот уже три года, рабо-

тая в меховом салоне, где от продавцов требуют соблюдать дресскод, ей приходится осветлять волосы. Теперь она неотличима от прочих девочек – такая же платиновая блондинка в узком чёрном платье. По мнению Яны, выглядит это довольно мило, хотя и не украшает невыразительную внешность подруги. Она, как всегда, абсолютно права, и Вероника с ней согласна, странно только, что мужчины тем не менее обращают внимание. Вот тот же Трофимов, например. Или бывший муж Антон. Или пожилой «постоянный клиент» с потасканной, похотливой физиономией, который называет Веронику «Венерой в мехах». Бесцеремонная назойливость престарелого ловеласа вынуждает прятаться за вешалками или в подсобке. Ну почему всё, что её касается, – из разряда анекдотов? Вот и Юрасик вечно подтрунивает, у него огромный запас историй о глупых блондинках.

Юрасик – муж Яны. Он какой-то начальник в какой-то непонятной «конторе», неизменно служащей ему предметом колких замечаний и остроумия. Вероника стесняется спрашивать о его должности, чтобы не давать поводов для ревности. Когда-то они довольно долго встречались, но тогда Юрасика называли Юрием и он серьёзно работал над построением новой математической модели в теоретической физике и даже мечтал о Нобелевской премии. Вероника догадывается, что теперешние его занятия бесконечно далеки и от физики, и от математики. Что поделаешь – такие времена...

Яночка позвонила в два часа дня и потребовала встречать Новый год

в её новом доме, даже не спросив о планах Вероники. Какие могут быть планы у классической неуправляемой?

– Ничка! Платье – только серый жемчуг! Ты в нём такая зайка! Никого не будет, мама у Жабика. Наконец-то он созрел, муж – объелся груш! Так что посидим по семейному.

Тёплая волна благодарности наполнила душу – подруга мила и заботлива, как родная сестра.

– Ничка! Киска! – Яна прыснула со смеху. – Юрасик велел молчать, но не могу же я не сказать лучшей подружке! Он в своей конторе откопал для тебя такого... ну, не мачо, нет, но ничего... интересный. Не век же тебе одной куковать, глупенькая моя курочка! В десять Юрасик заедет за тобой! Чао-какао, целую тебя, мышка!

Вероника решила испечь свой фирменный курник. Достала из микроволновку. Если предполагается знакомство и смотрины, то хотелось бы показать себя с лучшей стороны.

Мать заглянула на кухню, уколола Веронику острым взглядом и ехидно хмыкнула. Догадалась.

– Что, к Янке намылилась?! Свистнула она тебе?!

– У них новоселье, мама. Они переехали в коттедж. Юрасик хочет познакомить меня со своим коллегой. Не век же мне одной быть!

– Ты совсем растворилась в Янке! Живёшь по её указке!

Мать нарочно язвила, она терпеть не могла Альбину Эрнестовну и Яну.

До этой минуты в душе Вероники тихонько скулила жалость. Мать вчера приболела, до утра шуршала

на кухне коробками с таблетками. Но после таких слов лучше уйти из дома, чем сидеть всю новогоднюю ночь за ноутбуком и слушать чехарду телевизионных каналов в спальне у матери.

Они почти не разговаривают, отношения испортились тринадцать лет назад, когда отец ушёл к Альбине Эрнестовне. Тогда мать выгнала Веронику из дома, и ей пришлось долго жить у Яночки. После суда и официального развода родителей девушка то возвращалась домой, то уходила, блуждала, не имея угла, не находя места. Жизнь с матерью была очень тяжёлой. Постоянно давило чувство вины – ведь невозможно было отказаться от отца, от Яночки и Альбины Эрнестовны. Мать же стремилась выбить любовь к «предателям». Возможно, Вероника совсем ушла бы из дома, но у матери случился обширный инфаркт.

Полгода назад, после смерти отца, мать немного смягчилась, но всё равно редкий день обходится без упреков. На размен квартиры они обе не могут решиться – упустили время, когда за их трёшку, купленную после раздела имущества, можно было получить что-нибудь приличное, а врозь им не потянуть покупку квартир. У матери пенсия по инвалидности, а у Вероники зарплата продавца. Хотя можно было бы рискнуть и взять ипотеку, но после недолгой семейной жизни и развода с Антоном веры в себя ни капли не осталось.

Вероника с детства восхищалась Альбиной Эрнестовной и никогда её не осуждала. Её нельзя осуждать – она эффектная, элегантная женщина, воспитанная и образованная, не чета матери, обыкновенной скром-

ной поварихе Тайсе Смирновой! Отец просто не мог не уйти.

Альбина Эрнестовна всегда тепло относилась к Веронике, называла милой, скромной девочкой, щедро хвалила за любой пустяк, восторгалась врождённой интеллигентностью. Добрые слова заставляли млеть от удовольствия – родители-то были скупы на ласку.

В девяностые годы, когда Вероника училась в начальной школе, отец ушёл с завода, где не платили зарплату, и стал ремонтировать машины в собственном гараже. У него как-то сразу всё наладилось. Все говорили: у Валерки Смирнова золотые руки. Довольно быстро он стал владельцем небольшой фирмы «Автосервис», и к нему уже обращались уважительно – Валерий Александрович. Мать с трудом принимала новые реалии жизни и с опаской относилась к его новому статусу. То ли её смущало, что сама она не подходит под новые русские стандарты, то ли были какие-то другие причины, Вероника не особенно принимала.

Новоявленный бизнесмен неожиданно сблизился с отцом Яны, Эдуардом Павловичем Петуховым, которого другие соседи подозревали в связях с братками. Эдуард Павлович с молодых лет занимался спекуляцией, а затем ловко прилачился торговать квартирами. Его деловая хватка, хитрость и изворотливость вызывали у отца глубокое уважение.

Но мать относилась к Петуховым прохладно. Не понимала, зачем они водят малолетнюю Яну по ресторанам и казино, зачем ребёнку подарили отдельную квартиру и какая необходимость заставляла Альбину Эрнестовну непременно в

Париже покупать модную одежду и бельё для себя и для дочери. Мать не могла переступить устарелые представления и моральные принципы и осуждала соседку за легкомыслие и стремление жить красиво. А для Вероники образ жизни Яны и её родителей казался вполне естественным, потому что другие люди старались им подражать и считали Петухову расчётливой и умной женщиной.

Летом 2000 года Эдуард Павлович пропал, а через полтора месяца, далеко за городом, был найден его сторевающий «мерседес». Соседки жалели Альбину Эрнестовну – она осталась без гроша в кармане, все деньги исчезли вместе с мужем. Мужчины же смотрели на молодую очаровательную вдову жадно. Траурное платье сделало её ещё привлекательнее, подчеркнуло стройность и грацию.

Петухова никому не жаловалась на свои беды. Лишь с Тайсей Смирновой делилась страхами: то боялась, что потребуют выкуп за мужа, то опасалась, что отнимут роскошную четырёхкомнатную квартиру в новом элитном доме или похитят и убьют дочь. Много раз Петуховы даже ночевали у Смирновых.

Альбина Эрнестовна часто заводила речь об отзывчивости и чуткости Валерия Александровича, а Тайсю Алексеевну называла образцовой женой и матерью, уверяя, что нет для неё людей дороже. У Вероники в такие моменты сильно колотилось сердце и ужасно хотелось плакать от гордости за родителей.

Яна к четырнадцати годам, в отличие от Вероники, вытянулась и повзрослела, казалась восемнадца-

тилетней. Пережив семейную трагедию, она затаилась в себе, мимо соседок-сплетниц во дворе шмыгала мышкой. Но у неё ещё оставались приятели, которые постоянно звали на пикники и вечеринки.

Однажды среди ночи Альбина Эрнестовна прибежала к Смирновым вся в слезах, с распущенными по плечам длинными волосами. Яночка не вернулась домой!

Мать Вероники, услышав об исчезновении ребёнка, обмерла, схватилась за сердце и села на пол. Отец сделался чужим и страшным. Он сгрёб рыдающую соседку за плечи и пытался добиться, куда ушла Яна, где её искать. Несчастливая женщина закатила глаза, запрокинула голову и почти без сознания повалилась на колени, бессильно цепляясь слабыми руками за его одежду.

Вероника бросилась поднимать её, закричала: «Не надо! Встаньте! Встаньте, пожалуйста!» Ей мучительно было видеть чужое горе и отчаяние и в то же время казалось стыдным, что плащ у соседки распахнулся, а под ним видна чёрная кружевная комбинация.

Когда мать плачет, тушь течёт у неё по щекам, лицо краснеет, распухает и напоминает варёную колбасу. А у Альбины Эрнестовны слёзы катились из-под ресниц, но ни тушь, ни помада даже не размазались. От её волос и кожи сильно пахло духами, до сих пор в памяти тот тревожный запах.

Внезапно, в безумном порыве, соседка набросилась на Веронику с поцелуями, чуть не задушила в объятиях, но тут же оттолкнула, вскочила с колен и стремительно вылетела за дверь. Отец, захватив монтировку, ринулся за ней следом.

Вероника с матерью не спали всю ночь. Мать плакала и выбежала в тёмный подъезд на каждый стук. Отец вернулся утром. Яночка нашлась у своей бабушки.

Вероника даже не поняла, из-за чего поссорились родители. Они долго не разговаривали, как будто ждали, кто кого перемолчит, кто первый признает себя неправым. Раньше отец всегда уступал матери, но тут пошёл на принцип. Они оба совсем перестали замечать дочь. Ей приходилось самой ходить за продуктами, готовить еду, стирать и убирать квартиру. Мать вдруг запила и забросила домашнее хозяйство. Отец являлся домой только переночевать.

Вероника жалела отца. Насколько она знала от Альбины Эрнестовны, ни он, ни она ни в чём не были виноваты. Безумную, безобразную ревность вызвали ничтожные и глупые подозрения.

Однажды отец позвонил и предупредил: есть срочная работа и он останется ночевать в гараже. Мать собрала его вещи в чемодан и поставила у порога. Утром, едва раздался звонок в дверь, Вероника бросилась открывать, но мать грубо отшвырнула её и открыла сама. За дверью стоял отец. Он виновато улыбался и, словно щит, держал перед собой огромный букет хризантем. Мать молча взяла цветы, выбросила их в подъезд и закрылась в спальне. Отец нерешительно потоптался в коридоре, взял чемодан и ушёл.

После ухода отца мать совсем с цепи сорвалась. Связалась с дворничихой Беломориной, вечно пьяной старухой в неопрятном, тюремном ватнике. Они каждый день

пили палёную водку, а дворничиха ещё и курила без передышки у открытой форточки. В холодную грязную кухню невозможно было войти без омерзения. Там всё провоняло горьким табачным дымом. На столе и в мойке – горы невымытой посуды, на полу – мусор, плевки и окурки. Вероника выгоняла Беломорину, наводила порядок, но мать кричала: «Ты, Верка, вся в отца, такая же чистоплюйка! И такая же предательница, сучка подзаборная! Поманят тебя – ты и побежала!» Била обидными словами, словно кирпичами приبلудную собачонку. Вероника плакала от унижения и боли. Страшные мысли приходили в голову по ночам – родная мать срывает зло на ней, потому что отец не вернётся.

В школе узнали о разводе родителей, и Трофимов из параллельного класса начал донимать клоунскими выходками и дурацкими шутками. Однажды, на сдвоенном уроке физкультуры, так разозлил, что Вероника в ярости метнула в него теннисный мяч и поставила шикарный фингал под глаз. Хорошо, что наступили зимние каникулы, можно было притвориться больной, не выходить на улицу и не встречаться с Трофимовым. А ещё – не слышать сплетен соседок у подъезда.

Только в марте Вероника снова увидела отца. Он шёл по улице под руку с новой женой. Они были красивой парой! Оба загорелые – две недели отдыхали в Египте. Отец очень изменился. Он не только загорел, но и ростом стал как будто повыше. Да и выглядел моложе и мужественней. А может быть, просто у новой меховой куртки были

широкие плечи?

Сравнивать пьяную, расхристанную мать с Альбиной Эрнестовной было безумием, и Веронике пришлось беспощадно и честно признать – мать недостойна отца. Их брак был случайностью и ошибкой. И сама Вероника была ошибкой, сплошной нелепостью с руками и ногами.

Она попыталась юркнуть в ближайший магазинчик, но её заметили. Увидев дочь, отец заулыбался, подошёл и ласково обнял. Она соскучилась и от такой тёплой встречи зашмыгала носом – пусть пожалеют её, никчёмную, глупенькую маленькую девочку. Альбина Эрнестовна громко восхищалась Вероникой – и умница, и красавица. Понятно было, что это неправда, что ложью прикрыто желание ободрить и развеселить, но этому долбому намерению девочка была безмерно благодарна. Она, словно бездомная собачонка, жаждала ласки и защиты и готова была целовать любую руку, в которой не было камня.

Отец поинтересовался делами в школе и дома, дал денег. Альбина Эрнестовна достала из сумочки шоколадку. С этой шоколадкой и днями пьяная мать выгнала Веронику из дома.

2

В половине десятого снова позвонила Яночка. Альбина Эрнестовна с Жабиком решили встречать Новый год у дочери. Юрасик поехал за тещей.

– Ничка! Детка! Ты же знаешь, мама прокопается до двенадцати. Но мы тебя ждём! Тут мимо нас, до деревни, ходит маршрутка, ты добежишь от трассы по просёлочной

дороге, наверное, минут за двадцать. Мы тебя очень-очень ждём! Этот – твой, такой милашка! Возитесь с Нюсей и Юсей лучше няньки.

Вероника достала из шкафа новогоднюю упаковочную бумагу и красиво завернула связанные своими руками обновки: кардиган для подруги, шарф для Юрасика, варежки и детские носочки. Она гордилась тем, что очень даже неплохо вяжет крючком и на спицах. Подруга и её мама, страшные привереды, но вещи, подаренные Вероникой, носят с удовольствием.

Закончив упаковку, вынула из духовки курник, закутала его в махровое полотенце и вскоре уже стояла на остановке, нагружённая пакетами с подарками.

Вероника была благодарна Яне за дружбу и никогда ей не завидовала. Глупо завидовать, ведь подруга всегда и во всём лучшая. Смелая, обаятельная Яночка – украшение утренников в детском саду и в школе, звезда студенческих вечеринок – вполне оправдывала поговорку: «Не имей сто рублей, а имей сто друзей». Училась легко, весело, активно участвовала во всех студенческих делах, входила в разные объединения, штабы, комитеты, и на всё у неё хватало времени. Вероника тоже работала в комиссии по социальной защите студентов, это сильно отвлекало от учёбы. Яночка шуточно предупреждала: «Не смей отказываться, нам нужен свой человечек».

Маршрутка словно возникла из параллельного мира. Вероника так углубилась в воспоминания, что совершенно забылась и не слышала шума подъехавшего микроавтобуса.

Народу в полутёмном салоне

было не много. Когда выехали за город, остались только два мрачных мужика, да и те вышли у кладбища. В зеркале смутно виднелось угрюмое лицо водителя с глубокими чёрными тенями вместо глаз. Поздний час, непроглядная тьма за окнами, холод и жиденький свет невольно заставили усомниться в наступлении праздника.

Вероника перечитала описание маршрута в эсэмэске от Яны и, не доезжая до деревни, попросила шофёра остановиться под рекламным щитом. Водитель равнодушно выполнил просьбу, высадил в чистом поле и даже не ответил на поздравление с Новым годом. «Газель» развернулась на пустой трассе и полетела обратно в город. Вероника подхватила свои пакеты и бодро потопала по просёлочной дороге в сторону черневшей вдаль лесополосы.

Идти было трудновато. Голую грунтовку изрезали глубокие заледеленые колеи – следы затяжной осени. Снег нынче выпал только в конце ноября, декабрь поскупился на осадки, земля мёрзла под тонкой снежной простыней. К тому же здесь, в поле, оказалось не так светло, как в городе, но всё же снег слабо светился, отражая холодный блеск луны.

У зимней ночи две краски – чёрная и серая. Таинственная мгла со всех сторон. Звёздное небо над головой. Тишина, покой и холод.

Вспомнились строки любимого Тютчева:

*Святая ночь на небосклон взошла,
И день отрадный, день любезный
Как золотой покров, она свила,
Покров, накинутый над бездной.
И, как виденье,*

Внешний мир ушёл...

Да, действительно, внешний мир ушёл, канул в темноту. Да имеет ли внешний мир значение для Вероники? Её всегда более занимал мир внутренний. Любимые мысли, любимые книги, любимая музыка. С ними тепло, спокойно, безопасно, словно в мягком шёлковом коконе. Под защитой любви Яночки и Альбины Эрнестовны. Под такой защитой даже не страшно оказаться в одиночестве ночью на пустынной просёлочной дороге. Может быть, лишь немного неуютно и сиротливо. Не потому ли всплыло в памяти именно это стихотворение Тютчева?

...И человек,
        как сирота бездомный,
Стоит теперь, и немощен и гол,
Лицом к лицу
        пред пропастию тёмной.
На самого себя покинут он...

Вероника поёжилась. Неприятные и неуместные ассоциации... Лучше думать о чём-то другом.

После университета она работала в школе. Ей нравилось вести уроки литературы. Вместе с детьми придумывали музыкальные композиции по стихам Тютчева, Бунина, Волошина. Подбирали фрагменты из фильмов. Сами пробовали снимать на видеокамеру и монтировать кино. Вероника впервые испытала состояние драйва, творческого вдохновения и подъёма. Она вспыхнула, словно сверхновая звезда, захватила в свою орбиту единомышленников: детей, учителей-словесников, преподавателей музыки и рисования. Но Яна, занимая ставку школьного психолога, считала, что здесь ловить нечего, и убедила в этом подругу. Отработав один год, они благодаря свя-

зям Альбины Эрнестовны без труда устроились в солидную торговую компанию.

Очень трудно было вникнуть во все тонкости оптовой торговли, но постепенно Вероника сумела разобратся. Симпатичный менеджер Антон, по которому сохли все девчонки в отделе, обратил на неё внимание. Предлагал свидания. Однако она встречалась с Юрием, будущим нобелевским лауреатом. Конечно, то, что связывало Веронику и Юру, нельзя было назвать любовью – оба они боготворили одного идола. Домашний мальчик Юрий не смел рассчитывать на любовь блистательной Яночки, слишком недостижимой она ему казалась. Вероника его жалела от всего сердца и утешала, как ребёнка. Юрий тоже привязался к ней, познакомил со своими родителями, заговорил о свадьбе. Но на первом месте у него всё же была аспирантура, и он отправился в Москву.

Яна и в торговой компании была звездой и заводилой всех неформальных посиделок по пятницам, но у неё почему-то не сложились отношения с Антоном. Разругавшись с ним, она в декабре выбила у шефа отпуск и уехала в Москву, а вернулась оттуда вместе с Юрасиком. Вскоре последовала свадьба, на первый взгляд скоропалительная, но тем не менее отлично организованная. А в середине лета Яна ушла в декретный отпуск.

Вероника не слишком горевала о потере жениха, бедняга Юрий попал в добрые руки, а любимой подруге лучшего мужа нельзя было пожелать. На свадьбе, подняв тост за молодых, она заявила, что Юра и Яна назначены друг другу судьбой, словно ключ и за-

мок, и пусть никто не лезет к ним со своими отмычками. Растроганная Альбина Эрнестовна обняла её за плечи и представила гостям свою «вторую дочь».

Вскоре после Яниной свадьбы Антон подарил Веронике изящное золотое колечко и попросил выйти за него замуж. Она согласилась.

Свадьбу отложили до лета. Молодые планировали скромную регистрацию – без торжественного обеда в ресторане, без кортежа автомобилей, поскольку Антон копил деньги на квартиру. Беременная Яночка яростно налетела на него, потребовала не жадничать и не лишать невесту приятных воспоминаний и фотографий в свадебном платье в кругу друзей. В итоге получилась довольно неприятная пьяная гулянка в кафе среди толпы малознакомых сослуживцев.

Семейная жизнь дала глубокую трещину в самом начале. Антон постоянно придирался к жене из-за Яны. Подругу положили в больницу, и Вероника ежедневно моталась по городу, выполняя бесчисленные поручения. У неё не хватало совести бросить больную в беспомощном состоянии. Через месяц после свадьбы Антон потребовал развод. Девочки в отделе язвили, обсуждая и осуждая несостоявшуюся жену. Чтобы не встречаться с Антоном и не слышать за спиной насмешек, Вероника написала заявление об увольнении. Шеф долго отказывался подписывать, уговаривал остаться и не пороть горячку, но потом сдался и отпустил с миром.

Альбина Эрнестовна не советовала возвращаться в школу, обещала подыскать новое приличное место. Но ждать было нельзя – мать

ужасно злилась, что дочь села ей на шею, а отец не мог помочь деньгами – купил косметический салон для Альбины Эрнестовны. Яна почувствовала сложной ситуации, но у неё на руках была новорождённая Оленька, и ей самой нужна была помощь. Пришлось устроиться в магазин, лишь бы мать не скандалила.

Худой мир держался на терпении Вероники. Мать по-прежнему бесила преданность дочери ненавистным людям, она без устали повторяла свой любимый припев: «Янка твоя тебя выпьет и выбросит, как пустую жестянку! Останешься у разбитого корыта». Злыми словами бередила собственную обиду, не желая признавать, что дочь нашла материнскую любовь у чужой женщины, в чужой семье.

Бедная мать. После инфаркта она бросила пить, ради дочери устроилась на вторую работу. А в благодарность требовала отказываться от встреч с отцом и Яночкой.

В кармане пуховика завозился телефон.

– На градуснике минус тридцать! – резко бросила мать. – Ты легко оделась. Возьми у Янки хоть дражный свитер.

Разговор закончился так же внезапно, как и начался. Вероника торпливо крикнула в трубку: «Спасибо, мама!» Но вряд ли та услышала. Да, мать очень своеобразно проявляет заботу! Конечно, изящный пуховичок с капюшоном, праздничное платье, тонкие хлопковые колготки Omsa Velour и лёгкие сапоги на шпильках не спасают от мороза, но ведь и идти недалеко.

Луна то ярко светила, то скрывалась в редких облаках. Тени под де-

ревьями то чётко проявлялись, истончались, то сгущались. Будто злобились, не смея вытянуться и схватить за ноги.

Дорожная колея бежала по полям, едва припорошенным снегом, вдоль голых лесополос, затем поднялась на косогор и снова нырнула в низинку. Спускаясь по склону, Вероника с облегчением увидела вдаль приземистые строения. Вот и новый посёлок. Странно, в домах ни огонька – наверно, электричество отключили.

Минут через пятнадцать выяснилось, что дорога привела её в безлюдное место, где находились склады. Вокруг зданий тянулся длинный бетонный забор. Подойдя вплотную, девушка обнаружила крепко запертые железные ворота. И тут наконец до неё дошло, что зимой это место необитаемо.

Делать нечего, придётся топтать обратно. Как глупо! Её ждут, беспokoятся, а она забрела неведомо куда. Надо предупредить и извиниться за нелепое опоздание.

Стянула тонкую кожаную перчатку, вынула из кармана пуховичка телефон и поспешно набрала номер Яны. Абонент не ответил. Сердце заохлодело: «А вдруг что-нибудь неладное с детьми. С Оленькой! Господи, только бы ничего серьёзного!»

Набрала номер Альбины Эрнестовны. Та сбросила вызов. Догадка переросла в уверенность – с кем-то из малышей случилась беда. В тревоге снова набрала номер. После длительного ожидания Альбина Эрнестовна наконец ответила.

– А, это ты, милая. Ты же знаешь, дружок, я не в ладах с техникой. Случайно кнопку нажала. Передать Яночке?

И тут издалека до Вероники донеслось: «Возьми телефон, солнышко, это твоя рыба-прилипала!» Последние слова прозвучали с неприязнью и откровенным презрением. Это было так неожиданно и оскорбительно, что перехватило дыхание: «За что? Разве я сделала что то плохое?»

– Где ты, лягушка-путешественница! – радостно закричала в телефон Яночка. – Заблудилась? Интересно, как можно заблудиться на прямой дороге? Эх ты, блондинка!

– Я, видимо, свернула с трассы не в ту сторону! – лицо разгорелось от стыда за себя. Ведь не Яна же перепутала, где право, а где лево?!

Беззаботный, добродушный голос подружки почти вернул душевное равновесие, но в далёкой тёплой и светлой комнате компания за праздничным столом разразилась смехом. Громче всех басовито и глумливо гоготал Юрасик. Просьба о помощи замерла на языке.

– Я скоро... – с трудом произнесла Вероника и отключила телефон.

Сунула телефон в карман, натянула перчатку на окоченевшую руку, подхватила пакеты и бодро побежала обратно. Похолодало, и пронизывающий ветерок подогнал в спину.

Минут через пять остановилась: «Что это я, даже не спросила про детей?» Рука потянулась за телефоном и замерла на полпути. Нет, не надо звонить. Яна последнее время заметно ревнует к ней Оленьку.

Оленька – любимица Вероники, но теперь они видятся редко – малышка живёт у второй бабушки, потому что Яна не справляется с тремя детьми...

С мыслями о детях Вероника двинулась дальше, мимо серых по-

лей, мимо чёрных деревьев. Небо очистилось от облаков. Луна светила во всю мощь. Тени голых ветвей накрыли Веронику и её тень, бегущую сбоку, как верный пёс. «Уловили в сети душу живую! Запутали, закружили...» – Вероника замедлила шаг, подозрительно вглядываясь в поля и деревья. Что-то изменилось в окружающем мире. Исчезла глубокая колея, под ногами был плотный наст. На пути лежало округлое поле, с кустарниками и камышами по краям, видимо, озеро или болото.

Подозрение подтвердилось, она опять шла не той дорогой! И так уже от холода не чувствовала рук и ног, а тут словно ледяным душем обдали.

Девушка в растерянности остановилась и огляделась. В призрачном лунном свете пустынные поля показались жуткими. Самое время выскочить из-под земли Мефистофелю, или Воланду, или ещё какому-нибудь бесу. Инстинктивно прижала к груди пакеты с подарками. В подсознании слабо мигнул маячок – подарки неосяземо связывают с родными, с домом. Потеряешь – не вернёшься!

Страх властно толкнул бежать назад к складу, отыскивать верную дорогу! На бегу немного согрелась.

Завидя вдалеке знакомый забор, остановилась и задумалась: «А почему молчит телефон? Почему никто из них ни разу не набрал мой номер?»

Вновь стянула перчатку и непослушными, ледяными пальцами принялась жать на кнопки. Телефон отозвался долгими гудками.

Да, уже одиннадцать! Скоро Новый год. Все поздравляют друг друга с наступающим новым счастьем.

А я тут одна пропадаю в степи. Ну, помогите же мне! Спасите! Разве вы не понимаете, что мне сейчас страшно и холодно? Разве не чувствуете, как тяжело и обидно слышать иронию в голосах и шуточки о блондинках?

Не дождавшись ответа, позвонила профессору Жабину, надеясь – он-то не станет смеяться и поймёт, что необходима помощь.

Телефон звонко тренькнул и автоматический голос пропел: «Набранный вами номер не существует».

Вероника тупо уставилась на светящийся экран. Медленно мигали секунды. Время беззвучно утекало в пространство.

В голове звучала какофония язвительных голосов: «Заблудилась на прямой дороге! лягушка-путешественница! Блондинка! Прилипала, прилипала, прилипала! Ничка. Мышка. Серый жемчуг!»

– А Ничка – это ничтожество? – спросила себя Вероника.

Далёкие звёзды мерцали в бездонном космосе.

...И человек,

как сирота бездомный,

Стоит теперь, и немощен и гол,

Лицом к лицу

перед пропастию тёмной.

На самого себя покинут он –

Упразднён ум, и мысль осиротела –

В душе своей, как в бездне, погружён,

И нет извне опоры, ни предела...

Сердце заломило от боли и смертной тоски. Дыхание стеснилось. Надеяться не на кого. Нет опоры. Нет человека, готового протянуть руку помощи. Никто не поможет вырваться из этого плена! Ничка – ничтожество. Вот твоя истинная цена. Кто ты есть? Просто преданная хозяевам собака. Но что для

них любовь собаки? Любят ли они кого-нибудь, кроме себя? Забавно, маленькая оплошность раскрыла сразу все карты. Теперь понятно, кто погубил отца.

Он покончил с собой в гараже. Следователь дал прочитать предсмертную записку. Тогда показалось, что в последнюю минуту жизни отец горевал о своём бизнесе – «Автосервис» захирел и разорился. Но теперь стало понятно, о чём было сказано в записке и кому предназначались отчаянные слова: «Прости, дорогая. Я давно перешёл черту. Не хочу умножать страдания!»

Девушка спрятала телефон и подошла к забору. У железных ворот огляделась. Что за наваждение?! Словно тягучий кошмарный сон. Вокруг, в ночной беззвучной тьме, ровные серые поля и одинаковые ряды чёрных деревьев. Лабиринт какой-то! Откуда пришла, куда идти?

Отец объяснял, как определить по звёздам, где север, где юг. Где же эта Полярная звезда? Где любимое им созвездие Ориона? Созвездие Гончих Псов... Луна! С какой стороны была луна? Ни с какой! Сверху!

Вероника готова была запаниковать, но тут разглядела в темноте две просёлочные дороги – одна огибала невысокий плоский холм, а вторая поднималась на него. Мгновенно вспомнила – именно эта дорога на холме и привела её сюда! Дышать стало немного легче.

– Ну, наконец-то. Возможно, ещё успею в двенадцать поднять бокал шампанского! – горькая усмешка скривила губы. – Последний бокал за любовь и преданность.

Вытряхнув из пакетов подарки, негнушались пальцами разорва-

ла праздничные упаковки. Теперь они ни к чему. Испарилось предвкушение радости, остыло ожидание восторга, осталась одна острая боль в душе. Некому дарить. Скинув пуховик, быстро натянула на праздничное платье длинный тёплый кардиган, связанный для Яны. Вновь надела пуховик и обернула голову и шею мягким кашне, предназначенным для Юрия. Двойные варежки будущей мадам Жабиной надела поверх своих кожаных перчаток. Детские подарки запихнула обратно в пакеты. Дети не виноваты.

Поднимаясь на пригорок, она даже немного согрелась, но вскоре ноги в узких сапожках на тонких шпильках опять одеревенели. Руки вновь потеряли чувствительность. Плечи заныли под тяжестью пакетов. Голову разломила тупая боль.

Дорога не кончалась, лесополосы вставали на пути одна за другой, а выхода на трассу так и не было видно.

Мороз становился всё злее, всё колочее. Воздух пронизали тончайшие льдинки. В блеске луны они мерцали синими искрами, кружились и беззвучно опадали на землю. В абсолютно нереальной тишине, в мёртвом голубом сиянии ночной мир казался чужим и враждебным. Всё отчётливее ощущалось присутствие потусторонних сил. Будто чьи-то глаза пристально наблюдали из ближней лесополосы.

Вокруг осторожно возникали и таяли таинственные шорохи. Словно из глубин космоса долетали отзвуки мифической музыки небесных сфер. Может, и правда звёзды и планеты звучат при движении по орбитам? Или это дышит хоральная прелюдия Баха? Или шелест исхо-

дит от вселенского музыкального синтезатора. Или это кровь шумит в ушах? Истекает время жизни?

– Господи, я погибаю?! – ужаснулась Вероника.

«Умереть теперь, когда собралась начать новую жизнь? А ведь это правильно! Воскреснуть можно только после смерти», – резонно заметил внутренний голос.

– Нет! – закричала Вероника в открытый космос. – Я хочу жить! Я не умру здесь, как бездомная собака! Мама!

Сердце затрепетало. Почему она раньше не догадалась позвонить матери?!

Бросила пакеты. Лихорадочно выхватила телефон. Вот оно – спасение!

Экран вспыхнул и погас под прощальную мелодию разрядившейся батареи. Будто створки лифта, лязгнув железом, закрылись перед носом.

Никогда она не чувствовала в себе такой пустоты. Осталась одна телесная оболочка, а внутри было черно и звёздно, как в космосе. И теперь почти физически чувствовался на спине тот пристальный взгляд, слышался беззвучный вопрос: «Кто ты? Чего тебе надо в нашем холодном мире?»

Обернулась и вздрогнула. В ярком лунном свете собственная тень, живая до жути, вытянулась далеко вдоль дороги. Но самое страшное – в этом тёмном отражении притаилась чёрная собака. Два глаза, две звёздочки, светились в темноте.

Вернее, можно было только догадаться, что это собака. Мороз выжимал слёзы, ресницы слипались, в глазах всё дрожало, и Вероника

видела лишь меняющийся очертающийся ступок черноты. В изменчивости этого ступка страшно было разглядеть волка или дьявольского чёрного пуделя, но, к счастью, пёс всё-таки более походил на беспородную дворнягу.

– Собака, мы с тобой одной крови... – обветренные губы едва шевельнулись.

Зверь, по-прежнему скрываясь в тени, даже не шелохнулся, не зарычал в сторону человека.

– Выведи меня к людям, пожалуйста! – девушка, не выпуская зверя из виду, осторожно присела, медленно вынула из пакета курник, завёрнутый в махровое полотенце, развернула, разломала пополам и бросила один кусок на дорогу подальше от себя, поближе к собаке. Затем так же медленно поднялась и, пятясь, отошла на несколько шагов.

– Ты голодная – вот, возьми пирожок.

Запах на морозе очень аппетитный, тёплый, домашний. Собака встала и, пошатываясь, приблизилась к угощению. Понюхала, но есть не стала. Улеглась рядом.

Вероника отломил кусочек от своей половины пирога, положила в рот и начала жевать. Собака склонила голову набок, внимательно посмотрела, ещё раз понюхала незнакомую еду и принялась есть. Она вела себя, словно обыкновенная собака, но Вероника смотрела на неё заворожённо – неясные очертания животного менялись на глазах, то виделась простодушная улыбка дворняги, то волчий оскал.

– Кто ты? – Вероника невольно попятилась. Собака нехотя поднялась и двинулась следом. Девушка в ужасе бросила в неё остаток пи-

рога. Собака снова присела и занялась едой.

В памяти мелькнула иллюстрация к рассказу Джека Лондона «Любовь к жизни». Замерзающий человек ползёт по тундре, а его преследует старый больной волк. Не может напасть и убить, но бредёт следом, как неотвратимая смерть.

До боли в глазах всмотрелась в собаку: не волк ли это? Мысли неслись сумасшедшим вихрем: «Определённо, волк! Но может быть это всё-таки дворняга? Убежала от хозяйина, или потерялась, или выбросили? Сердце замирает. Дышать трудно. Нельзя показывать свой страх! Животные это чувствуют. Нет, это не волк – это собака».

Собрав остатки воли, крикнула:
– Ты собака? Собака! Хорошая собака!

Голос прозвучал почти уверенно, это хорошо.

Зверь доел пирог, выжидающе посмотрел и дружелюбно вильнул хвостом. Вероника облегчённо вздохнула: «Придумала же, дурочка, «неотвратимая смерть»! Волк?! Нет! Это собака! Собака».

В небо взлетел салют. Золотые, красные, зелёные звёзды расцвели огненной хризантемой. Вероника забыла об осторожности, закричала: «Яна! Яна! Я здесь!» – подхватила пакеты с подарками и что было сил припустила по дороге. Далеко слева, видимо, над городом, показались разноцветные снопики салютов. Вероника бежала, неловко топая непослушными ногами. Собака глухо заурчала и, не выходя из тени, легко потрусил следом, не отставая и не приближаясь.

«Яна! Яночка! Прости меня! Я мерзавка, я дрянь! Посмела подозревать!» – повторяла про себя Ве-

роника, а душа ликovala и пела. – «Радость, пламя неземное, райский дух, слетевший к нам!..»

Впереди, за очередным серым снежным полем, за шеренгой чёрных голых деревьев, светилась трасса и сигналила машина.

Её ищут! Её не бросили! Радость горячей волной разливалась по телу, и бежать становилось всё легче, даже на каблуках-шпильках. Вот уже в ста метрах от неё, в просвет между деревьями виден автомобиль!

– Я здесь, я иду! – закричала Вероника и на бегу взмахнула пакетами.

За спиной раздалось злобное рычание, и Вероника с размаха грянулась о ледяную дорогу.

3

Вероника открыла глаза и не сразу сообразила, что лежит в глубокой ледяной колее на просёлочной дороге. С трудом приподнялась и села. Голова гудела от удара о землю. На правом колене на колготках зияла дыра. Кожа была содрана в кровь, однако нога, хоть и болела безумно, всё же двигалась.

Что случилось? Почему она упала? Сколько времени была без сознания? И почему опять одна под этим безжалостным, холодным небом?

Собака подошла и легла рядом. Девушка молча плакала и вытирала варежками обмороженные щёки.

Внутри, в чёрном космосе, печально и нежно звучало чудное женское сопрано:

И нет извне опоры, ни предела...
И чудится давно минувшим сном
Ему теперь всё светлое, живое...
И в чуждом, неразгаданном, ночном
Он узнает наследье родовое.

– Мы с тобой одной крови, – Вероника со вздохом погладила собаку по голове.

Луна светила ярко, собачья шерсть казалась тёмно-серой и мерцала холодными голубыми искрами. Хорошо, что эта беспородная лохматая дворняга совсем не похожа на пуделя. Слишком жутко было бы думать, будто странная эта животина – часть той силы, что вечно хочет зла.

Собака подняла голову, взглянула в лицо девушке и насторожила уши.

– Не бойся, ты понравишься моей маме.

Собака широко улыбнулась, вывалила язык. На её добродушной морде читалось радостное удивление.

– Купим тебе ошейник и поводок. Будем гулять вместе с Трофимовым и его волкодавом.

В космической внутренней пустоте медленно проявлялись и таили расплывчатые картины: поцелуй с Трофимовым в тёмном подъезде, океан Соляриса, скорбное лицо матери.

Сможем ли мы понять и простить и не мучить себя виной за давние ошибки?

Подарки рассыпались из пакетов при падении. Вероника не стала их подбирать – прошлая жизнь, вместе с Яночкой, Оленькой и Альбиной Эрнестовной, отвалилась, как сухая короста.

Ковыляя, дотащилась до пустынной трассы. Собака плелась следом, а на трассе то забегала вперёд, то отставала – сторонилась тревожного красноватого света фонарей и пряталась в чёрной тени девушки.

Мимо с воем пронеслась красная «тойота». Резко затормозила и

быстро подкатила задним ходом. Разухабистый шансон огласил безмолвие ночи. Водитель включил свет и настезь открыл дверь:

– Садись, лягушка-путешественница!

Кажется, прошлая жизнь не собирается отпускать её?

Вероника заглянула в салон. На чёрном фоне ярко-красный цвет куртки незнакомого мужчины резанул по глазам.

– Вас, случайно, не Яна послала за мной? – спросила, а сама подумала: «На что я надеюсь?»

– Яна! Угадала! – мужчина просил от радости.

Вероника открыла заднюю дверь, оглянулась и позвала собаку. Водитель неуверенно протянул:

– Не, я с собакой не возьму! На фиг мне псина!

– А я без неё не поеду, – Вероника захлопнула дверь.

Водитель озадаченно глянул, заржал и крикнул:

– Слушай, ты, блондинка! У тебя, походу, не собачка, а белочка! Ты сколько выпила?

Вероника не ответила, молча заковыляла по дороге в сторону города. Незнакомец выскочил из машины, догнал, схватил за плечи и насильно втолкнул в салон на переднее сиденье.

Вероника испугалась, но сзади, за креслом водителя, словно скомканное чёрное меховое одеяло, лежала её собака.

– Вас действительно Яна послала за мной?

Зачем ей понадобилось уточнять? Какие могут быть сомнения – не Янины ли слова: «лягушка», «блондинка»?

– Да Яна, Яна! – водитель гаденько хохотнул и нажал на педаль газа.

Он, видимо, спешил – «тойота» по-неслась по пустынной трассе, как реактивный снаряд.

Только в тёплом салоне девушка поняла, насколько замёрзла. Обожжённое морозом лицо саднило. Ступни, колени разрывала тупая боль. Пальцы рук почти не двигались. Вероника с трудом стянула варежки, но снять перчатки без посторонней помощи было невозможно. Однако мужчина не догадывался помочь, а только бросал на неё странные в такой ситуации игривые взгляды. «Поразительное бесчувствие! Впрочем, уже не удивительно – с кем поведёшься». Девушка натянула короткую полу пуховичка на пострадавшее колено – оно явно отвлекало водителя от дороги.

И всё-таки она хотела убедиться, что именно Яне обязана столь «романтической» встречей.

– Значит, это Яночка придумала игру в спасение заблудшей овечки. Видимо, ей нравятся дешёвые подвиги! – язвительное замечание не удержалось на языке.

– Чего бы понимала! Ролевые игры – самое оно, крутяк!

В это время ожил телефон, лежащий на полке над приборной панелью. Визгливый женский голос выкрикивал грязные ругательства. Это не был голос Яны. Водитель в ответ разразился мерзким матом. Неужели он – сослуживец Юрия? Скорее это совершенно посторонний человек, джентльмен удачи – водила-бомбила. Она опять жестоко ошиблась. Опять пала жертвой собственной наивности. Ни Яночка, ни Юрий, ни даже Альбина Эрнестовна никого не посылали! Они давно забыли о ненадобности. Тугой жгут болезненной тоски вновь стя-

нул грудную клетку.

Бомбила заметил её подавленное состояние и настороженный взгляд, бросил телефон и обернулся:

– Замёрзла? Сейчас согрею!

Его рука, скользя по коленям девушки, нырнула к ней под пуховик. Вероника брезгливо отшвырнула её от себя.

– Ты чё, овца! – взъярился бомбила, встретив сопротивление. – Шмара придорожная, проститутка дешёвая! Ща погреемся, я сказал!

Он остановил машину, перегнулся в сторону Вероники и резко ударил её в лицо. Слабая попытка прикрыться руками его только раздрадила, и он со злым удовольствием ударил ещё раз.

Веронику накрыла горячая волна паники. Демонстрация силы и наглости лишила способности соображать. Девушка отпрянула, вжалась в спинку сиденья – та с тихими щелчками предательски поехала вниз. В тот же миг через Веронику перемахнула собака.

Мужик завопил как резаный. Громадная лохматая псина кинулась ему на грудь. Клыкастая слюнявая пасть едва не сомкнулась на горле.

Салон «тойоты» превратился в ловушку, в железный мешок, раздаваемый изнутри злобой и ужасом. Храпя и рыча от ненависти, человек и зверь, сплетаясь в один клубок, давили и рвали друг друга.

Оглушённая Вероника нащупала ручку двери и, преодолевая смертную слабость, выползла из машины.

«Бежать! Спрятаться!» – орал внушительный голос. Но не успела она сделать и пяти шагов, как упала. Машина засигналила, в лицо Вероники ударил свет фар, пригвоздил на месте.

Собака вскочила на капот, затем на крышу автомобиля и залаяла с неистовой силой. Сквозь ослепляющий свет был виден тёмный контур её тела и голубоватое сияние над ним.

«Тойота» резко рванула назад. Тяжёлый удар и отвратительный скрежет когтей по металлу! Собака скатилась на землю, едва ли не под ноги Веронике, но тут же вскочила и припала на передние лапы, готовая к прыжку на врага. Загрювок у неё оцетинился, из оскаленной пасти вырывалось грозное рычание. «Тойота» развернулась и, мигнув красными огнями, понеслась прочь. Собака с лаем бросилась, было, вдогонку, но тотчас вернулась и ткнулась носом в руку девушки. Слезы брызнули из глаз Вероники.

Красные огоньки стремительно удалялись. Но вдруг они исчезли и вместо них вспыхнули две звезды. Машина развернулась и летела обратно. Ночь испытаний не кончилась. Договор должен быть скреплён кровью.

Вероника встала. Рука сама собой схватила и судорожно сжала телефон как единственную связь с реальным миром.

Ослепительные звезды на бешеной скорости неотвратно летели прямо на Веронику. Хищная красная «тойота» была уже совсем близко.

В этот миг собака бросилась навстречу автомобилю.

– Нет! – отчаянно крикнула Вероника и метнула телефон в лобовое стекло.

Водитель резко крутанул руль. Машину развернуло и занесло на вираже. Глухой удар! Высокий, жалобный собачий вскрик. Дикий

визг тормозов. Животное отлетело в сторону и плашмя упало на встречную полосу. Веронику с головы до ног окатило тугой струёй ледяной крошки. Задний бампер прошёл в опасной близости.

«Тойота» встала поперёк трассы, погасила огни.

Вероника бросилась к собаке, присела на корточки, дрожащими пальцами коснулась жёсткой шерсти. Из-под лохматого чёрного бока расплывалось кровавое пятно. Огромные клыки оскалились. Тело вытянулось в агонии. Последний хриплый вздох вырвался из горла. Девушка упала на колени и завывала, заревела, как раненый зверь.

Чёрный космос внутри взорвался белым огнём. Жаром опалило лицо.

Вереница двойных звёзд беззвучно плыла навстречу. Внезапная чёткая мысль сверкнула молнией. Вероника встала и решительно двинулась в сторону «тойоты». Она больше не чувствовала страха и вообще ничего не чувствовала, кроме бешеной ярости.

Под её натиском автомобиль нервно дёрнулся и, отступая, покатился назад. Прямо под колёса огромной фуры, летящей с оглушительным рёвом. Страшный удар, грохот, звон стекла и скрежет металла!

4

Доктор Трофимов усадил Веронику в машину скорой помощи и сделал укол.

Чувства притупились. Затих предупредительный гул трассы. Размылись, растаяли полицейские автомобили на обочине. Только синие огоньки мигалок мелькали в глазах, и от этого, а может быть, от ле-

карства хотелось спать. Синие блики рассыпались таинственными искрами. Они мерцали, гасли, снова вспыхивали, кружились в морозном воздухе и уплывали в звёздное небо. Вероника проваливалась в сон, в небытие. Слух наполнялся тихим шелестом вселенского синтезатора, вздохами баховского органа, шорохом звёзд и планет. Музыка лилась широким потоком и растворяла земные звуки. Сквозь неё с трудом пробивался человеческий голос – рядом кто-то докладывал по рации начальству:

– Фура с «тойотой» столкнулась. Водитель скончался, а пассажирка

жива. Водитель фуры, видимо, заснул за рулём.

Из космоса всё мощней накатывали, переливаясь, звуки хоральной прелюдии фа минор Иоганна Себастьяна Баха. Душа наполнялась безмятежностью и мягким светом. Смывала с себя прежнюю злобу и неправду.

Вероника открыла глаза.

– Трофимов? Там моя собака... может, она ещё жива?

– Нет никакой собаки. Ты спи.

Тёплая ладонь погладила её по щеке.

В воздухе висела голубая блестящая пыльца.